В.Н. Шайдуров*

ФИННЫ-ЛЮТЕРАНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX − НАЧАЛЕ XX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-19
УДК 314.148(470.23)"1851/1910"

Выходные данные для цитирования:
Шайдуров В.Н. Финны-лютеране Санкт-Петербурга: демографическое развитие во второй половине XIX − начале XX века // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 222−238. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-19.pdf

V.N. Shaidurov*

PETERSBURG LUTHERAN FINNS: DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE SECOND HALF OF THE 19TH − EARLY 20TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-19

How to cite:
Shaidurov V.N. St. Petersburg Lutheran Finns: Demographic Development in the Second Half of the 19th − Early 20th Century // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 222−238. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-19.pdf]

Abstract. The nature of demographic development of the population of the Russian Empire and its peoples continues to be of scholarly interest. The purpose of this paper is to identify the main demographic characteristics of the Finnish community in St. Petersburg during the second half of the 19th − early 20th centuries. Throughout its entire existence, this community was formed from natives of Finland and Ingrian Finns from the St. Petersburg Governorate. The dynamics of the Finnish population size are analysed based on published materials from the one-day censuses of St. Petersburg (1869−1910). It was established that the significant decline in the number of Finns and their share in the capital's population was primarily driven by changes in the main directions of labour migration. The use of census and parish registers data of the Finnish Lutheran parish of St. Mary's Church in St. Petersburg reveals the link between the emerging gender imbalance (the predominance of women in the community) and the increase in the number of children born out of wedlock. The spatial distribution of Finns across the capital is examined through a comparative analysis of data from its various districts. This reveals a growing concentration in the Vyborg District, correlating with the rise in the number of hired workers. The demand for labour in St. Petersburg contributed to the rising number of literate Finns arriving in the city. The predominance of Lutheran Finns within the community and the dominance of Finnish as the native language led to the conclusion that assimilation processes among the Finns of St. Petersburg were extremely weak. An analysis of parish register data allowed for the calculation of birth and mortality rates and led to the conclusion that the Finnish population experienced a negative natural increase. A comparison of these rates suggests that the migrant population consisted predominantly of single individuals without families in St. Petersburg.

Keywords: St. Petersburg, historical demography, Finnish natives, Finns, Lutherans, population movement, migrations.

The article has been received by the editor on 21.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Николаевич Шайдуров,** доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: s-w-n@mail.ru
Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: s-w-n@mail.ru

Аннотация. Определение характера демографического развития населения Российской империи и составлявших его народов сохраняет свою актуальность. Цель данной статьи – выявление содержания основных демографических характеристик финской общины Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в. На протяжении всего периода существования она формировалась из финляндских уроженцев и ингерманландских финнов Санкт-Петербургской губернии. На основе опубликованных материалов однодневных переписей населения Санкт-Петербурга (1869−1910) выявлена динамика численности финского населения. Установлено, что значительному снижению численности финнов и их удельного веса в населении столицы в первую очередь способствовало изменение основных направлений трудовой миграции. Использование данных переписей и метрических книг финского лютеранского прихода церкви св. Марии Санкт-Петербурга позволило продемонстрировать связь между возникшим гендерным дисбалансом (преобладанием женщин в общине) и ростом числа рожденных вне брака детей. Сопоставление данных по частям столицы позволило показать в динамике локализацию финнов в городском пространстве: с ростом числа наемных работников выросла их концентрация в Выборгской части города. Спрос на рабочие руки в Санкт-Петербурге способствовал росту числа грамотных финнов, приезжавших в город. Доминирование в общине финнов-лютеран и доминирование финского языка в качестве родного позволили сделать вывод о крайне слабой степени ассимиляционных процессов у финнов Санкт-Петербурга. Анализ данных метрических книг позволил рассчитать коэффициенты рождаемости и смертности и сделать вывод об отрицательном естественном приросте финского населения. Их сопоставление позволило выдвинуть гипотезу, что среди мигрантов преобладали одиночки, не имевшие семей в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, историческая демография, финляндские уроженцы, финны, лютеране, движение населения, миграции.

Статья поступила в редакцию 21.07.2026 г.

Петербургские финны являются одной из этнических групп, редко оказывающиеся в поле зрения историков. Тем не менее в силу своей многочисленности и неоднородности они на протяжении XVIII − первой трети XX в. являлись неотъемлемой частью хозяйственного и социокультурного ландшафта Санкт-Петербурга.

Изучение этнодемографического развития Санкт-Петербурга в имперский период является темой, которая изучена фрагментарно и неравномерно. Лишь в конце 1970-х − первой половине 1980-х гг. это явление стало привлекать специалистов. Так, в ряде работ Н.В. Юхнёвой рассматриваются различные этнические сообщества столицы[1]. Особое внимание следует уделить ее исследованию, в основе которого лежат опубликованные материалы однодневной городской переписи населения 1869 г. Представленные в ней выводы не потеряли своей актуальности, а апробированный инструментарий изучения той или иной этнической общины может быть базисом для современных исследователей.

В начале 2000-х гг. интерес к истории финнов в Санкт-Петербурге присутствовал как в российской, так и в финской историографии, которые в это время вполне дополняли друг друга. Так, вышла в свет работа В.И. Мусаева, посвященная истории ингерманландских финнов[2], которая гармонично раскрывается сквозь призму политических событий в Российской империи − СССР − постсоветской России.

[1] *Юхнёва Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX − начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984.
[2] *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX − XX веке. СПб., 2003.

Отдельные данные о численности финнов в Санкт-Петербурге во второй половине XIX − начале XX в. приводит в своей монографии И.Р. Такала[3]. Как и большинство других авторов, она ограничивается констатацией фактов, не углубляясь в демографические нюансы.

На рубеже XIX−XX вв. финны наряду с евреями, поляками, немцами были частью эмиграционного потока. Его изучению посвящена одна из статей Н.Ю. Петришиной[4]. На основе статистических данных автор представляет разные аспекты «русской» эмиграции. Присутствуют в работе и некоторые данные об эмиграции финского населения.

Обращаясь к проблемам демографического развития населения столичного города, следует обратить внимание на статью Б.Н. Миронова[5], в которой поднимается вопрос о начале демографического перехода в Европейской России. Полученные Б.Н. Мироновым данные по столице и столичной губернии позволили ему сделать вывод о начавшемся демографическом переходе в городе во второй половине XIX в.[6] Однако, на наш взгляд, получены усредненные данные, которые не отражают в полной мере факт начала демографического перехода у этнических меньшинств.

Одной из значимых работ, посвященных истории петербургских финнов, является монография И.Д. Норенковой[7]. В ней представлены особенности поведенческих практик финляндских уроженцев на рубеже XIX−XX вв. на фоне происходивших в их среде демографических процессов.

История финской общины в Санкт-Петербурге больше привлекала внимание зарубежных исследователей, интересовавшихся прошлым своих соотечественников. Большой вклад в изучение финляндских уроженцев в России внес С. Юнгар. В 1974 г. вышла в свет его монография, в которой рассматриваются различные аспекты миграции финнов из г. Або в Россию[8]. Эта тема получила развитие в его совместной с М. Энгманом статье[9].

Финская историография русской истории в это время пополнилась монографией профессора Университета Або М. Энгмана[10]. Благодаря использованию широкого круга источников, введению в научный оборот материалов из архивов Финляндии и Швеции автору удалось представить эволюцию жизни финляндской общины Санкт-Петербурга в XIX − начале XX в.

Демографическое развитие финского населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в. не становилось предметом отдельного изучения в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее авторам, обращавшимся в своих работах к проблемам жизни и деятельности общины, необходимо было оперировать соответствующими данными. Однако их полнота и охват недостаточны. Следует сказать, что источники по учету населения, в первую очередь материалы переписей, хорошо известны историкам, занимавшимся изучением финляндской общины[11]. Однако их применение представляется неполным.

Таким образом, имеющаяся историография позволяет представить общий фон развития финской общины в Санкт-Петербурге, однако в ней отсутствуют работы, в которых авторы стремились бы выявить особенности ее демографического развития на основе широкого круга источников.

---

[3] *Такала И.Р.* Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.

[4] *Петришина Н.Ю.* Русская трудовая иммиграция в США по материалам «Ежегодника России» в 1904−1910 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 21. С. 71−76.

[5] *Миронов Б.Н.* Петербург в авангарде демографического перехода в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 709−732.

[6] Там же. С. 729.

[7] *Норенкова И.Д.* Культурное пограничье: финляндцы в восприятии петербургского общества на рубеже XIX−XX вв. М., 2025.

[8] *Jungar S.* Från Äbo till Ryssland. En studie i urban befolkningsrörlighet. 1850−1890. Äbo, 1974.

[9] *Энгман М., Юнгар С.* Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809−1917 гг. // Россия и Финляндия: 1700−1917: мат-лы VI Советско-Финского симпозиума историков. Л., 1980. С. 115−138.

[10] *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

[11] Там же. С. 140−142; *Норенкова И.Д.* Культурное пограничье… С. 65−72.

Цель данной работы − представить основные демографические характеристики финской общины Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в.

В настоящее время историки вновь возвращаются к уже известным источникам. Однако современные методы и технологии позволяют по-новому использовать материалы городских переписей населения в Санкт-Петербурге.

Основным источником для определения численности, размещения населения в городской среде, его конфессионального состава, общей характеристики ассимиляционных процессов являются опубликованные материалы однодневных городских переписей населения, проводившиеся в Санкт-Петербурге в 1869, 1881, 1890, 1900 и 1910 г.[12] Представленный в табличной форме однотипный материал позволяет провести его группировку по интересующим нас вопросам. Особенностью досоветских переписей является отсутствие критерия «национальность». Этническая самоидентичность опрошенных определялась на основе родного языка. Это несколько затрудняет определение точной численности той или иной этнической общности в Санкт-Петербурге. В нашем случае будут рассматриваться те финны, которые в качестве родного указывали финский язык.

Особо ценным источником, позволяющим детально проанализировать рождаемость, смертность, брачность внутри общины, являются метрические книги. Нами были использованы представленные в Санкт-Петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию копии книг, составленные в церкви св. Марии − центре финского прихода Санкт-Петербурга. При работе с ними стоит вопрос о полноте и достоверности приведенных сведений. Проведенная внутренняя критика метрических книг позволяет дать положительный ответ. В разделе о рожденных и крещеных содержатся в том числе сведения о мертворожденных детях. Например, 7 января 1900 г. у работника финляндского уроженца Арвида Науккаринена и его жены Матильды родился мертвый сын, который был вписан в книгу под номером 26[13]. Подобного рода записи имеются как в этой, так и в метрических книгах за другие годы.

Развитие финской общины Санкт-Петербурга происходило в контексте модернизационных процессов. Динамика численности, сословный состав, внутригородское размещение зависели от преобразований в общественно-политической и экономической сферах. Это позволяет нам строить свое исследование на основе концепции национальной модернизации. Наметившиеся изменения в демографическом развитии, вызванные к жизни модернизационными процессами, следует рассмотреть с позиций теории демографического перехода. Ее применение позволит выявить факты смещения (или их отсутствие) от традиционной модели воспроизводства населения к индустриальной.

В своем исследовании мы основывались на проблемно-хронологическом подходе, который позволил рассмотреть в динамике основные составляющие демографического развития. Наряду с общенаучными методами были использованы специальные методы (историко-описательный, историко-сравнительный, статистические и др.). Использование междисциплинарного подхода позволяет представить более рельефную картину развития петербургских финнов во второй половине XIX − начале XX в.

Одним из источников формирования финской общины в Санкт-Петербурге была миграция. В ней принимали участие как финны, приезжавшие в столицу из финляндских губерний, так и ингерманландские финны, прибывавшие из внутренних губерний. Подобного рода переселения определялись финансовыми возможностями и регламентировались соответствующими статьями Устава о паспортах в его различных редакциях. В правление Николая I финляндские уроженцы всех сословий, за исключением крестьян, могли получить паспорт для проживания в Санкт-Петербурге на срок до одного года[14]. Финны-крестьяне из финляндских губерний получали срочный паспорт до 6 месяцев, а приписанные к Выборг-

[12] Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872. Вып. 1; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I. Население. Ч. I. СПб., 1883; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г.

[13] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 346 об.

[14] Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857. Ст. 267.

ской губернии − до одного года[15]. Согласно действовавшему законодательству, особо регламентировался паспортный режим для финляндцев из числа ремесленников и работавших по найму[16].

Либерализация паспортной системы во второй половине XIX в. привела к уравниванию в правах представителей всех сословий. Так, Уставом о паспортах (ред. 1903 г.) допускалась выдача паспорта «финляндским уроженцам всех сословий и званий <…> на срок не более одного года»[17]. Все вопросы, связанные с продлением паспортов проживавшим как в Санкт-Петербурге, так и во внутренних губерниях финляндским уроженцам, находились неизменно в ведении Финляндской Паспортной Экспедиции[18].

Для определения численности финского населения в Санкт-Петербурге второй половины XIX − начала XX в. в качестве основного критерия был выбран родной язык. Это позволяет нам представить ситуацию, наиболее приближенную к реальной (табл. 1).

Таблица 1

Численность финского населения Санкт-Петербурга

Год	1869	1881	1890	1900	1910
Обоего пола	15 749	17 416	16 731	15 638	11 872

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5−243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10.

В середине XIX в. финская община насчитывала ок. 15 тыс. чел. (2,2 %) и входила в «тройку» наиболее многочисленных, уступая лишь русским (77 %) и немцам (6,9 %). Однако с течением времени она сдала свои позиции. В 1860−1890-х гг., когда общая численность городского населения и других этнических общностей увеличивалась, число финнов изменялось незначительно. Так, в 1890 г. они занимали четвертое место, составив уже 1,7 %, уступая русским (86,9 %), немцам (4,6 %) и полякам (2,3 %). В 1910 г. по удельному весу их опережали русские (74 %), поляки (2,6 %), немцы (2,1 %) и евреи (0,9 %), а финская община опустилась на пятую строчку, составляя лишь 0,05 % населения города.

Приближенный анализ численности позволяет выявить динамику ее изменения относительно финноязычного населения Санкт-Петербурга за изучаемый период (рис. 1). Мы имеем дело с волнообразной кривой, имеющей тенденцию к затуханию. Прирост в среднем ок. 10 % с 1869 по 1881 г. и с 1890 по 1900 г. можно объяснить периодами экономического подъема, когда в Санкт-Петербурге появлялись новые рабочие места, которые занимали финляндские уроженцы, именовавшиеся в метрических книгах «работниками» и «работницами», а по факту неквалифицированные рабочие на многочисленных петербургских фабриках и заводах.

В то же время существенное сокращение общины в 1880-е гг. (в 1890 г. она составила 89 % к численности 1881 г.) сопряжено с экономическим спадом 1881−1883 гг. и депрессией, продолжавшейся до конца 1880-х гг.

Резкий спад в начале XX в., составивший почти четверть численности общины, объясняется уже комплексом причин, включавших в себя неурожай 1902 г., экономический кризис 1900−1903 гг. и крайне неудачную попытку русификации Финляндии, в ходе которой во главу угла были поставлены имперские интересы при полном игнорировании мнения коренного населения[19].

[15] Устав о паспортах и беглых… Ст. 269.
[16] Там же. Ст. 273−274.
[17] *Гольденов Д.М.* Устав о паспортах. По офиц. изд. 1903 г., с сенатскими и министерскими разъяснениями и с приведением доп. узаконений и правил. СПб., 1905. Ст. 114.
[18] Устав о паспортах и беглых… Ст. 267, 271, 273.
[19] *Погодин С.Н., Рябова А.Л.* Первый период русификации Финляндии (1899−1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 342.

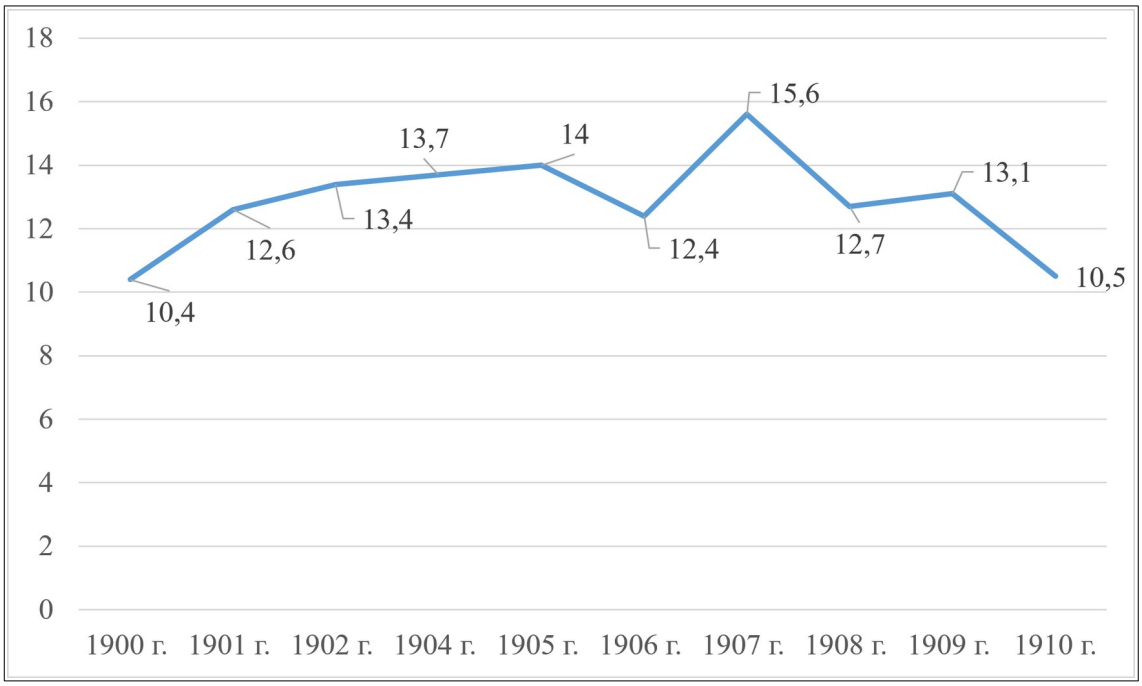

Рис. 1. Динамика численности финноязычного населения Санкт-Петербурга, %
(Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10)

В 1900-е гг. Санкт-Петербург уже не мог обеспечить потенциальных трудовых мигрантов из близлежащих финляндских губерний рабочими местами. В этой ситуации финны сделали выбор в пользу активизации эмиграции в Северную Америку. Статистические данные за 1900−1910 гг. указывают на то, что из более чем 1,5 млн русских подданных, выехавших в США, финны составили ок. 8,5 %. Пик миграционной активности в абсолютных и относительных данных пришелся на 1903 г., составив 18,8 тыс. или 13,7 %[20]. В среднем Финляндию покидало ежегодно ок. 11,5 тыс. чел. или 0,4 % населения.

Трудовая миграция, несомненно, являлась определяющим фактором, влиявшим на численность финской общины. В то же время нужно определить место естественного прироста. Для определения характера движения населения обратимся к данным переписей и материалам метрических книг финского прихода св. Марии. Эти сведения необходимы для расчета коэффициентов рождаемости и смертности (табл. 2).

Таблица 2

Движение финского населения Санкт-Петербурга в 1869−1910 гг.

Год	Всего рождений	Коэффиент рождаемости, ‰	Всего смертей	Коэффициент смертности, ‰
1869	417	26,5	1 042	66,16
1881	597	34,3	1 028	59,0
1889	643	38,4	731	43,7
1900	482	30,8	560	35,8
1910	356	29,9	450	37,9

Составлено по: РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 165. Л. ???????; Д. 248. Л. 53; ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 448, 541 об.; Д. 98. Л. 78, 149; Оп. 2. Д. 7. Л. 386, 499 об.

[20] Племенной состав иммигрировавших в С.-Штаты уроженцев России за период 1900−10 гг. // Статистический ежегодник России 1911 г. (год восьмой). Отдел II. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1912. С. 18.

Как видно из приведенных данных, финскую лютеранскую общину отличал очень высокий уровень рождаемости и еще больший уровень смертности. Коэффициент рождаемости не отличает стабильность. К 1890 г. он растет, однако в дальнейшем отмечается его устойчивое снижение. Коэффициент смертности имеет тенденцию к снижению. С конца 1860-х гг. он уменьшился почти в два раза. На протяжении всего рассматриваемого периода можно констатировать высокий, а в некоторые годы очень высокий уровень рождаемости, который был ниже уровня смертности, что влекло за собой существенный уровень отрицательного естественного прироста.

Подобного рода ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена самой природой финской общины Санкт-Петербурга. Ее члены были в определенной массе временными жителями столицы, приходя сюда на заработки. Среди отходников преобладали одиночки, которые крайне редко вступали в брак в Санкт-Петербурге. Данные метрических книг за 1889, 1900 и 1910 гг. указывают на устойчивую тенденцию снижения коэффициента брачности: 8,25; 7,93; 6,91 ‰ соответственно[21].

В отличие от некоторых других этнических меньшинств, финны представляли собой гендерно сбалансированное общество до 1890-х гг. (рис. 2).

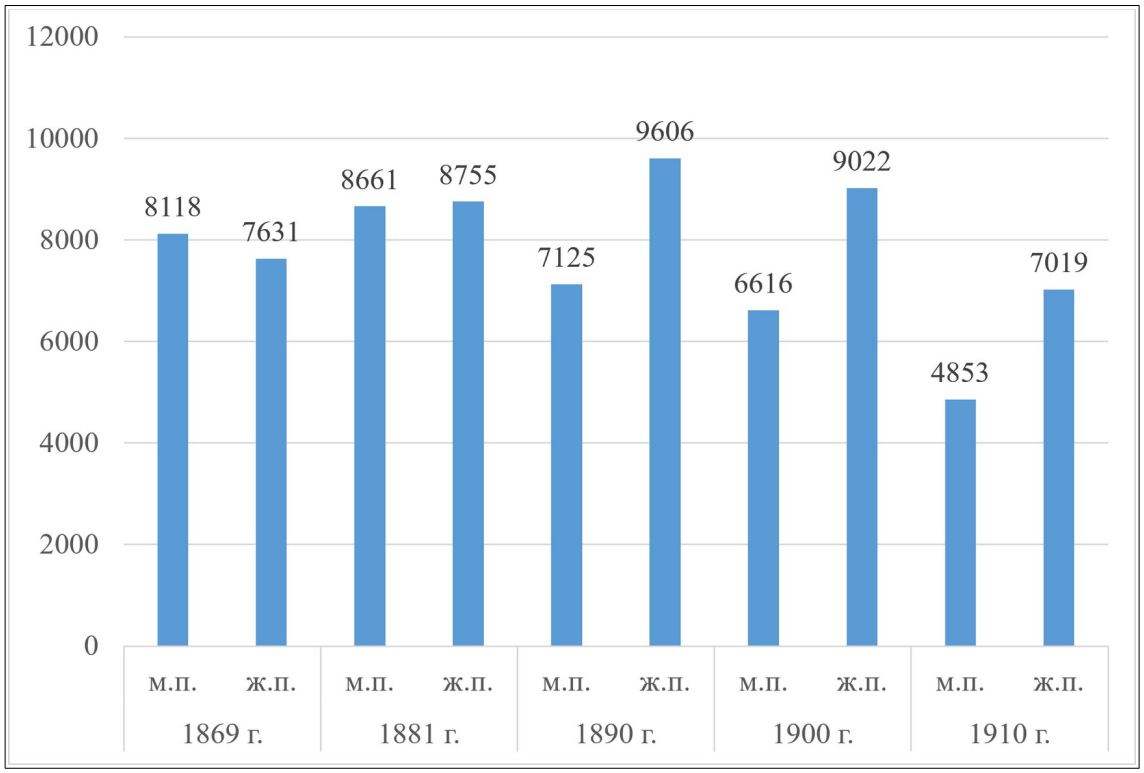

Рис. 2. Гендерный состав финноязычной общины Санкт-Петербурга, чел.
Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10

По данным переписей 1869 и 1881 гг. доля мужчин составила 51,7 и 49,8 %, а женщин − 48,3 и 50,2 % соответственно. Эти показатели свидетельствуют об относительной стабильности финской общины, сформировавшаяся в дореформенный период.

Бурный рост отходничества, спровоцированный преобразованиями в аграрной сфере, экономический бум 1870-х гг. способствовали формированию активно развивавшегося рынка наемной силы как в Санкт-Петербурге, так и в других городах. Как следствие, в столицу устремилось большое число финских девушек и женщин, которые рассчитывали на получение хорошей работы и достойной оплаты труда.

[21] ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 455 об.; Д. 98. Л. 84; Оп. 2. Д. 7. Л. 392 об.

Однако в 1890–1900 гг. отмечается резкое сокращение числа мужчин при одновременном росте женской части финской общины. Согласно переписям, их удельный вес вырос до 57,5 и 57,8 % соответственно. А к 1910 г. этот показатель составил уже почти 59,5 %.

Подобная ситуация во многом объяснялась рядом факторов. Так, мужчины-работники из числа финляндских уроженцев были заняты преимущественно в производственной сфере, на долю которой приходились наиболее серьезные негативные последствия в период кризисов (закрытие предприятий, сокращение рабочих мест). Женщины были связаны с непроизводственной сферой, преимущественно сферой услуг. В условиях экономического кризиса им было проще сохранить свое рабочее место.

В то же время с 1890-х гг. мы наблюдаем не только относительные изменения в гендерном балансе, но и абсолютные численные сокращения у мужчин. Одной из причин была уже упомянутая выше эмиграция. Согласно официальной статистике, среди финнов-эмигрантов мужчины составляли 67,1 %. Почти 90 % приходились на возрастную группу от 14 до 45 лет[22]. Исходя из этого, мы наблюдаем изменение географии гендерной миграции: в то время как мужчины предпочитали уезжать на заработки в Америку, женщины традиционно отправлялись в Санкт-Петербург.

Зачастую в Санкт-Петербург приезжали девицы, которые спустя время рожали незаконнорожденных детей. О том, что это явление в финско-протестантской среде было распространенным, свидетельствует статистика, отраженная в метрических книгах. Так, на 1869 г. доля незаконнорожденных составила 5,75 %[23]. На 1881 г. этот показатель составил уже 12,22 %[24]. Надо сказать, что для протестантов в целом это явление не было типичным. В 1874 г. по Санкт-Петербургской губернии у лютеран на 100 законнорожденных приходилось не более 4 незаконнорожденных младенцев[25]. Этот показатель не был выше и в преимущественно лютеранской Курляндской губернии.

В начале XX в. среди финнов сохранился высокий уровень рождений детей вне брака (рис. 3).

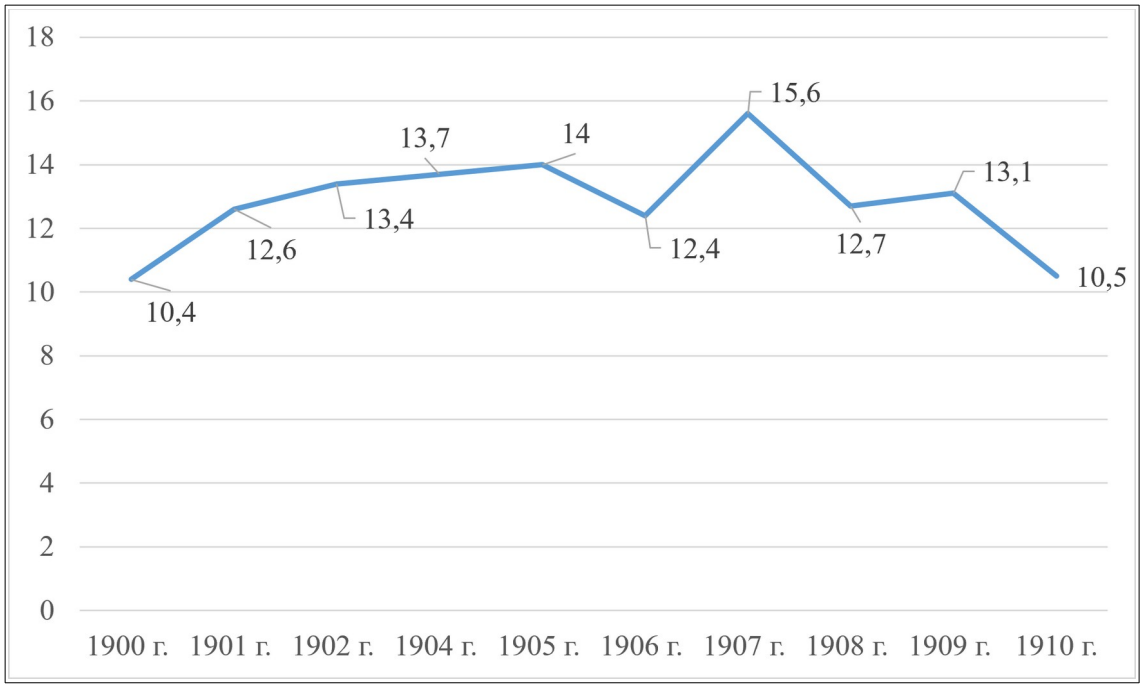

Рис. 3. Динамика удельного веса незаконнорожденных детей у финнов-протестантов в Санкт-Петербурге, %
Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 448; Д. 39. Л. 634, Д. 44. Ч. 2. Л. 458; Д. 55. Ч. 2. Л. 428; Д. 67. Л. 419; Д. 74. Ч. 2. Л. 411; Д. 82. Л. 144; Д. 90. Л. 432; Д. 97. Ч. 5. Л. 400; Д. 98. Л. 78

[22] *Патканов С.* Эмиграция // Статистический ежегодник России 1909 г. (год шестой). СПб.: Издание ЦСК МВД, 1912. С. CLXXXI.
[23] РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 165. Л. 52.
[24] Там же. Д. 248. Л. 381.
[25] Статистический временник Российской империи. Вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1874 год. СПб., 1882. С. 24.

Как видно из приведенных данных, в течение 1900−1910 гг. у финнов-протестантов в разные годы каждый 10-й ребенок, а то и чаще, был незаконнорожденным. Рост числа бастардов шел поступательно, за исключением 1906, до 1907 г., после чего наметился спад, который, как нам видится, был связан с дальнейшим сокращением миграции финнов в Санкт-Петербург и наступившей стабилизацией.

Одной из отличительных особенностей финноговорящей общины столицы во второй половине XIX − начале XX в. была ее поликонфессиональность (табл. 3).

Таблица 3

Численность финнов Санкт-Петербурга по вероисповеданию, чел.

Год	Православные		Римско-католики		Протестанты	
	муж. пола	жен. пола	муж. пола	жен. пола	муж. пола	жен. пола
1890	176	210	6	163	6 943	9 230
1900	173	285	22	16	6 421	8 720
1910	135	223	35	34	4 674	6 756

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 78−79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 152–153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 266–267.

На этом факте не стоило бы акцентировать внимание, если бы речь не шла о народе, который практически поголовно исповедовал лютеранство. Принадлежность к другим конфессиям (православие, римско-католичество) свидетельствовала как о случайности, так и о вполне объяснимых явлениях, имевших место в общине.

Заметная доля православных среди финноговорящих объяснялась незначительной русификацией, имевшей место в конце XIX − начале XX в. В нашем распоряжении пока нет данных об их сословном составе, но можно предположить, что это были преимущественно представители привилегированных сословий, проживавших в столице. При этом интересны прямо противоположные динамики изменения численности у православных и католиков: для одних это рост с 2,3 до 3 %, а для других − сокращение с 1 до 0,6 % в 1890 и 1910 гг. соответственно (рис. 4).

Каково было место финнов в общей массе протестантов Санкт-Петербурга в конце XIX − начале XX в., позволяет определить статистика, которая свидетельствует, что их доля не превышала 20 %. Сравнение удельного веса мужчин и женщин по годам (1890, 1900, 1910) указывает на постепенное сокращение в обоих случаях[26]. Так, по нашим подсчетам, доля мужчин-финнов среди протестантов сократилась с 17,7 до 11,7 %, а доля женщин − с 19,7 до 13,1 %.

Как и другие этнические меньшинства, проживавшие в Санкт-Петербурге, финнов отличала определенная сословная пестрота. Данные переписи 1869 г. позволяют реконструировать структуру общины.

На долю привилегированных сословий приходился лишь 1 % петербургских финнов. Самым многочисленным из них был слой дворян (почти 52 % в группе), из которых 36 % составляли потомственные, а 64 % – личные дворяне. Как видно из приведенных данных (рис. 5), дворянские семьи были гендерно сбалансированными, что свидетельствует об их стабильности и постоянном проживании в Санкт-Петербурге.

[26] Переписи… 1890 г. С. 79;, 1900 г. С. 153;, 1910 г. С. 267.

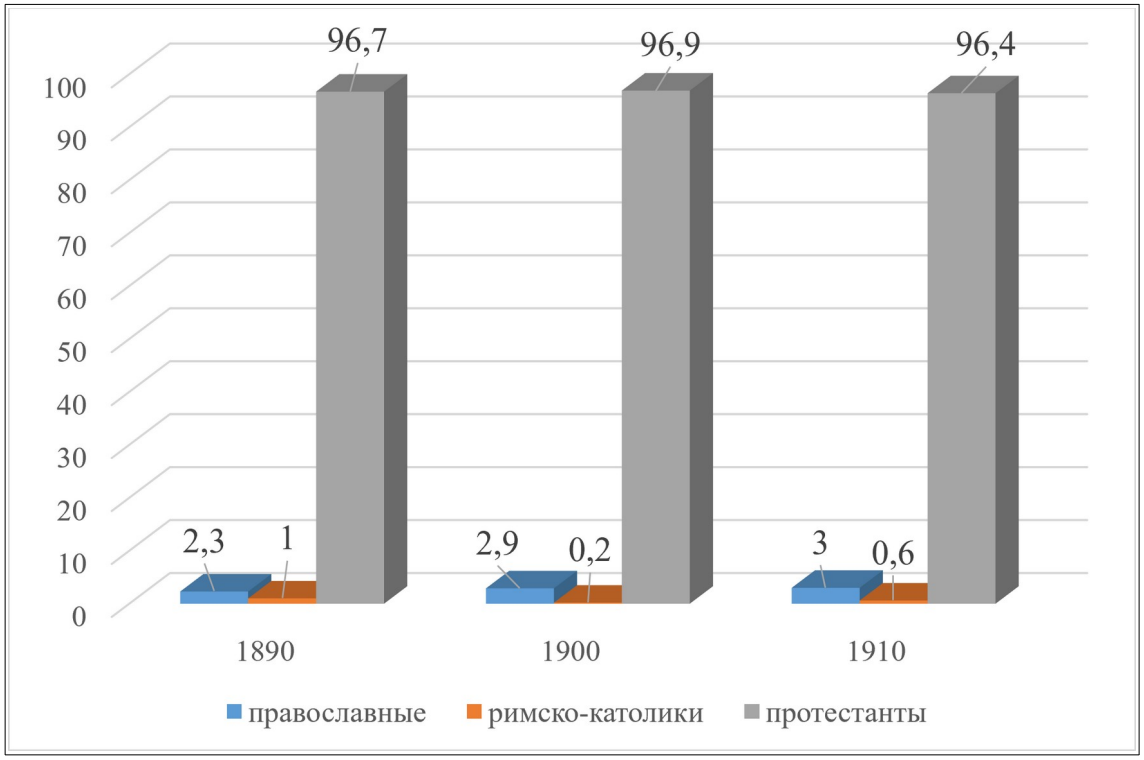

Рис. 4. Динамика удельного веса финнов по вероисповеданиям, %
Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 78–79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 152–153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 266–267

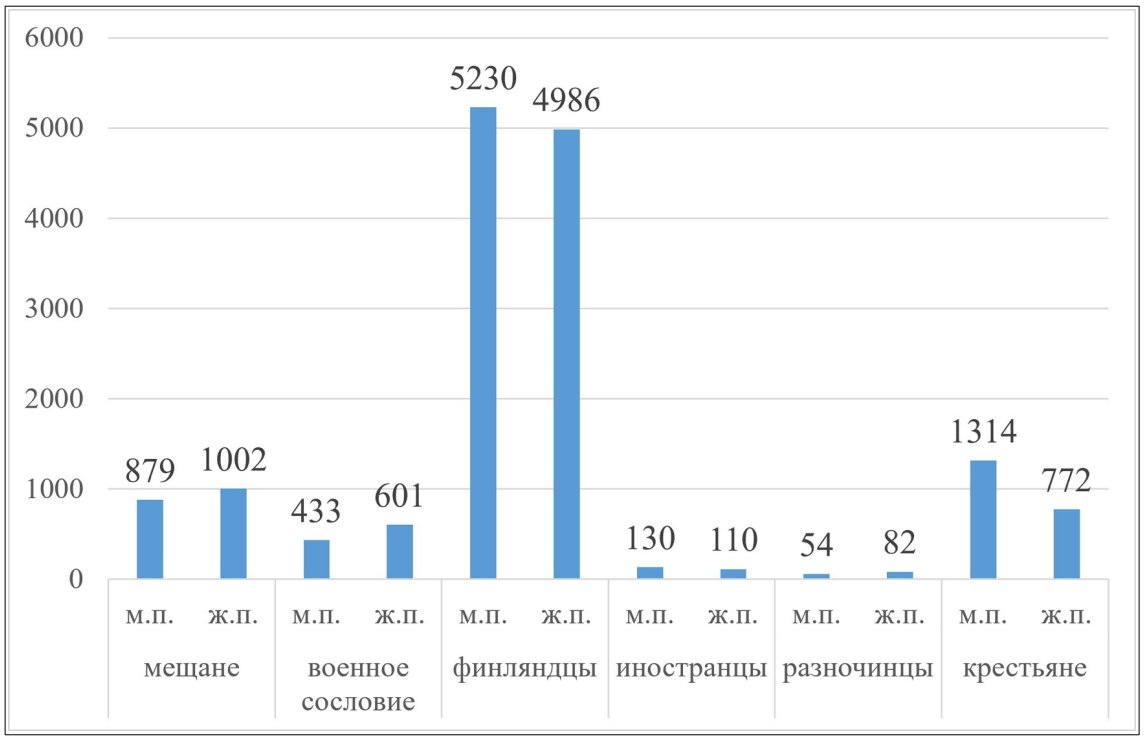

Рис. 5. Сословная принадлежность финнов (привилегированные сословия), чел.
Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 124–127

Представители духовного сословия были связаны с деятельностью церкви св. Марии – единственным храмом для финнов-лютеран в городе. Почетных граждан было немного и они составляли лишь 9 % в рассматриваемой группе. В то же время число лиц, относящихся к купеческому сословию в данном разряде, было значительно (26,9 %).

Численный состав непривилегированных сословий различен (рис. 6). В первую очередь выделяются так называемые «финляндцы» или «финляндские уроженцы» – выходцы

из числа горожан и крестьян губерний Великого Княжества Финляндского. На их долю приходилось почти 65 % от общей численности общины. При этом сословие в столице отличалось гендерным балансом: мужчины составляли 51,2 %, женщины − 48,8 %.

Достаточно многочисленным (ок. 6,5 %) было военное сословие. В него входили преимущественно нижние чины, проходившие службу в полках, расквартированных в Санкт-Петербурге, и члены их семей.

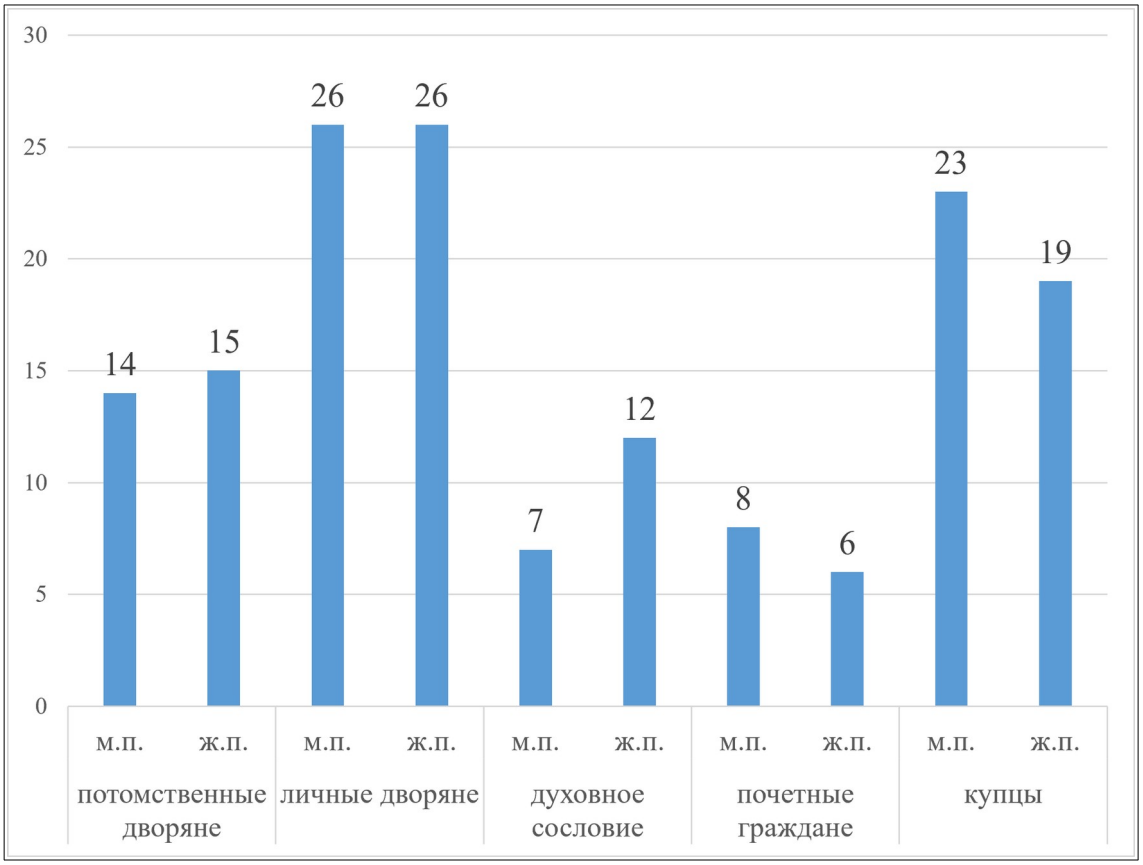

Рис. 6. Сословная принадлежность финнов (непривилегированные сословия), чел.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 124−127

Относительно многочисленными были мещанское (11,9 %) и крестьянское (13,3 %) сословия. Исходя из содержания метрических книг лютеранской церкви св. Марии, можно сделать предположение, что проживавшие в городе крестьяне были приписаны к сельским обществам Санкт-Петербургской губернии, а потому являлись ингерманландскими финнами. Численность разночинцев и иностранцев из финнов была незначительной и составляла лишь ок. 1 и 1,5 % соответственно.

Как и прочие этнические общины Санкт-Петербурга, финны не были локально сконцентрированы в какой-то одной части города. В то же время их отличал, например от евреев, армян или мусульман столицы, факт присутствия во всех частях города и составлявших их участков. Распределение финнов в городском пространстве было крайне неравномерным, и этот фактор со временем становился все более отчетливым (табл. 4).

Анализ абсолютных данных приводит к выводу об общей тенденции стабильного сокращения финнов в большинстве частей. Лишь в Литейной, Васильевской и Петербургской частях отмечается прирост, зафиксированный переписью 1881 г., после которого начинается спад, продолжавшийся до 1910 г. Особо следует остановиться на изменении численности финского населения Выборгской части. Здесь, как мы видим, присутствует абсолютный рост. Лишь в 1910 г. зафиксировано его сокращение.

Таблица 4

Распределение финского населения по частям Санкт-Петербурга, чел.

Часть города	1869	1881	1890	1900	1910
Адмиралтейская	719	571	409	356	222
Казанская	2 158	1 925	1 342	1 127	629
Спасская	1 787	1 759	1 705	1 053	627
Коломенская	1 126	1 133	954	758	441
Московская	1 407	1 364	1 226	986	627
Александро-Невская	573	815	742	741	566
Рождественская	1 365	1 264	867	773	560
Литейная	1 013	1 306	1 133	839	1 069
Васильевская	1 783	2 065	1 612	1 568	1 182
Петербургская	1 143	2 183	1 901	1 911	1 696
Выборгская	1 849	3 118	3 596	4 562	3 817
Итого:	14 923	17 503	15 487	14 674	11 436

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10.

В то же время динамика относительного размещения финнов по частям города не всегда совпадает с абсолютными показателями (рис. 7). Это можно увидеть на примере Спасской части, в которой в течение всего периода прослеживался спад, тогда как в относительных показателях в 1890 г. отмечен незначительный рост (1 %), который затем сменился спадом. В Петербургской части в 1910 г. в абсолютных цифрах отмечался спад (215 чел.), но в относительных показателях − некоторый прирост (1,8 %). И еще более отчетливо противоположные тенденции прослеживаются на примере самой «финской» части города − Выборгской. Так, исходя из данных рис. 8, мы имеем сокращение населения с 1900 по 1910 г. на 745 чел. Однако относительно всего финского населения города доля проживавших в Выборгской части увеличилась за тот же период с 31,2 до 33,4 %.

Как мы видим, во второй половине XIX в. привлекательность Выборгской части для финнов постоянно возрастала. В начале XX в. здесь проживало около 1/3 петербургских финнов. Подобная тенденция объясняется как близостью к внутренней границе между Империей и Финляндией, так и тем фактом, что в окрестностях этой части было много исторических финских деревень. Конечно, жители последних были ингерманландцами, но общий язык, культура, конфессия способствовали формированию своеобразного финского анклава.

Но и внутри Выборгской части, как можно видеть из данных переписей (рис. 8), размещение финнов по участкам было неравномерным.

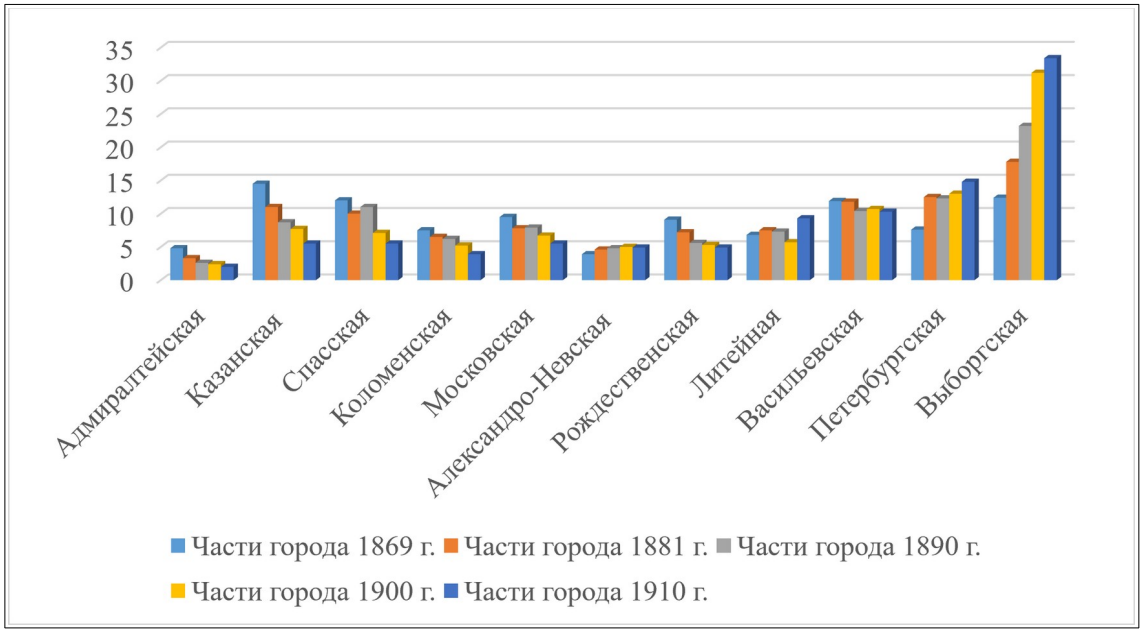

Рис. 7. Распределение финнов по частям Санкт-Петербурга, %.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10

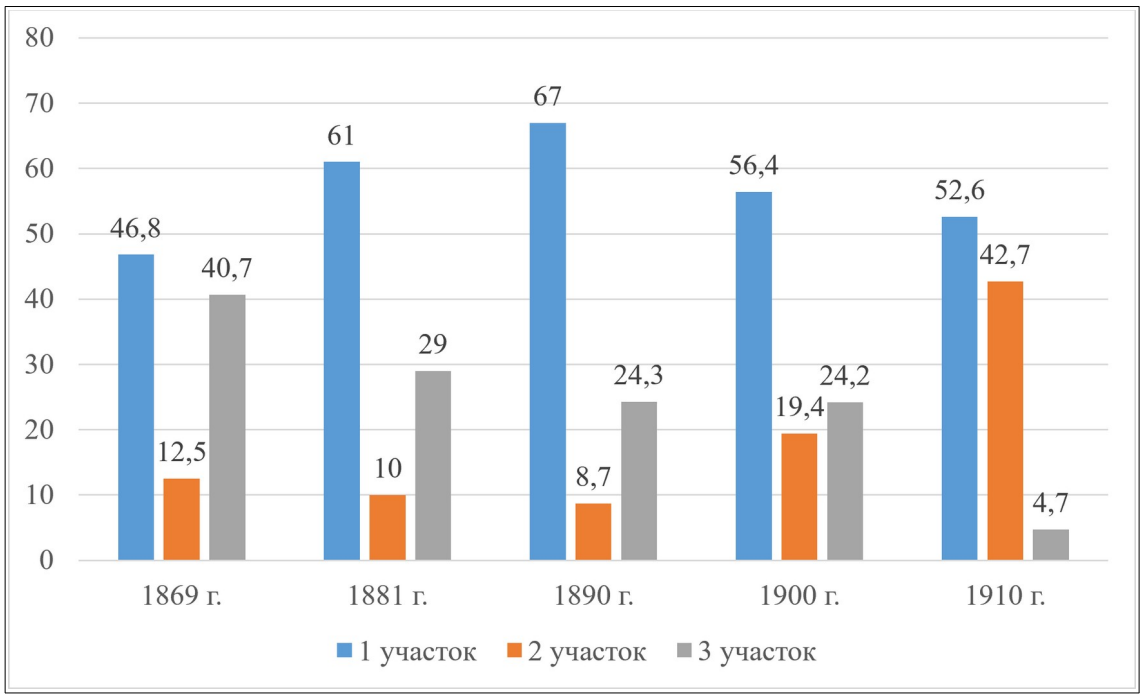

Рис. 8. Распределение финского населения в участках Выборгской части, %.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 214–215, 220–221, 226–227; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10

Традиционно наибольшей популярностью пользовался первый участок, расположенный вдоль правого берега р. Большой Невы от Военно-медицинской академии и Финляндского вокзала на север до Полюстровского проспекта. Интерес ко второму участку с течением времени финны стали проявлять в меньшей степени.

В целом же привлекательность Выборгской части обусловлена расположенными здесь машиностроительными заводами Л. Нобеля, Г. Лесснера, телефонной фабрики Л. Эриксона, железнодорожными мастерскими Финляндской железной дороги. Сокращение доли первого участка и более чем двукратный рост удельного веса второго участка в 1900–1910 гг. можно объяснить оттоком мужского населения, преимущественно занятого на предприятиях тяжелой промышленности и транспорте, и ростом значения женщин, которые утраивались преимущественно на расположенные здесь текстильные предприятия (Самсониевская бумагопрядильная фабрика и др.).

Одним из ценных демографических показателей является грамотность населения. К сожалению, материалы городских переписей не дают возможность определить уровень грамотности финского населения по иным родным языкам, кроме финского. Но в таблицах можно собрать сведения о грамотности на родном языке (финском) членов общины от 6 лет. Для корректного расчета удельного веса грамотных мужчин и женщин в своих гендерных группах мы сократили общую численность мужчин и женщин по каждому вероисповеданию на усредненные 10 %. Именно столько в среднем составляли младенцы и дети в возрасте до 6 лет в 1890–1910 гг. Полученные результаты представлены на рис. 9.

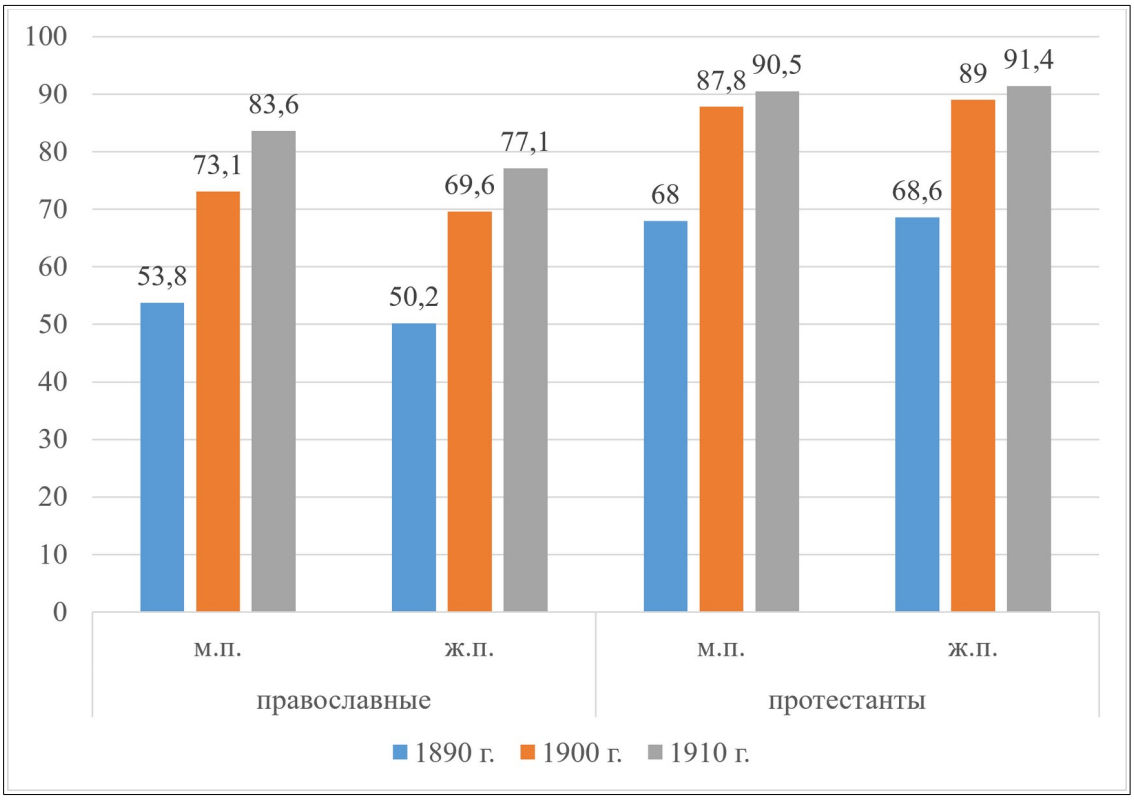

Рис. 9. Грамотность среди финноязычного населения Санкт-Петербурга в 1890–1910 гг., %.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 78–79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 152–153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 266–267

Оговоримся, что аномально высокий уровень грамотности на финском языке среди римско-католиков (от 95 до 100 %) объясняется в первую очередь крайней малочисленностью конфессиональной группы, о чем уже упоминалось выше. Поэтому основное внимание обратим на финнов из числа православных и протестантов.

Как видно из приведенных данных, в 1890 г. уровень грамотности среди православных финнов был в пределах 50–55 %. При этом он несколько отличался от уровня грамотности среди всех православных жителей столицы, будучи существенно ниже у мужчин и незначительно выше у женщин (53,8 против 75,1 % у мужчин и 50,2 против 48,7 % у женщин). В дальнейшем уровень грамотности в этой группе финнов в целом возрастает, но все равно оказывается ниже среднестатистического уже у мужчин (73,1 против 80 %), тогда как

у женщин сохранялась прежняя ситуация (69,6 против 54,2 %). В 1910 г. выявленная тенденция сохранялась: у финских мужчин уровень грамотности был немного ниже, чем в целом у православных мужчин (83,6 против 85,9 %), тогда как православные финки демонстрировали более высокий уровень грамотности на родном языке (77,1 против 61,5 %). Подобная ситуация может быть объяснена сохранением традиции обучения грамоте по Новому Завету, когда каждый прихожанин, в данном случае православный финн, должен был уметь читать.

Полученные результаты о грамотности среди мужчин и женщин евангелическо-лютеранского происхождения столицы в целом и финского населения в частности представляют иную картину, чем мы видели выше. Все три временных среза показывают более низкий уровень грамотности у финнов-протестантов на родном языке, чем в целом у протестантов. Подтверждением тому являются данные из табл. 5.

Таблица 5

Грамотность протестантов Санкт-Петербурга в конце XIX − начале XX в., %

Год	Мужского пола	Женского пола
1890	87,4	86,5
1900	95,9	95,9
1910	98,7	98,2

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 267.

Подобная ситуация вполне может быть объяснима степенью распространения грамотности у городских протестантов, например немцев, и у финляндских уроженцев, приехавших из провинции.

Таким образом, финская община Санкт-Петербурга может быть отнесена к числу «старых» этнических меньшинств, оказавшихся в городском пространстве в начале XVIII в. Во второй половине XIX − начале XX в. она представляла собой динамично развивающийся организм, который обладал специфическими чертами. Община сохраняла свою этническую и конфессиональную неоднородность. В ее составе преобладали финляндские уроженцы, прибывавшие в столицу из Великого Княжества Финляндского, но были в ее рядах и ингерманландские финны, часть из которых приписана к Санкт-Петербургской губернии. Именно трудовая миграция вплоть до 1910-х гг. была основным источником ее пополнения.

Несмотря на пестрый сословный состав, основную массу общины составляли финляндские уроженцы и крестьяне, проживавшие в столице по срочным паспортам. При этом доля представителей других страт была незначительна.

Очень высокий уровень рождаемости в сочетании с высоким уровнем смертности порождал отрицательный естественный прирост финского населения столицы на рубеже XIX−XX вв. На основании этих данных нельзя утверждать, что финское население Санкт-Петербурга вступило в стадию демографического перехода. Тем не менее среди трудовых мигрантов преобладали одиночки из числа еще не вступивших в брак либо состоящих в браке. Следствием этого был низкий уровень вступления в брак. На этом фоне превышение смертности над рождаемостью выглядит вполне оправданным.

Несмотря на экономическую привлекательность Санкт-Петербурга, волнообразное развитие экономики и стремление русифицировать Финляндию способствовали постепенному затуханию миграционного потока. Финны предпочитали имперской столице Америку. Изменение вектора миграционной активности финнов привело к сдвигам в гендерной структуре финской общины Санкт-Петербурга. С рубежа XIX−XX вв. в ней заметно выросла доля женщин.

В отличие от других этнических меньшинств, проживавших в Санкт-Петербурге второй половины XX − начала XX в., финны проживали во всех городских частях. Однако

с 1890-х гг. их основная масса была сконцентрирована в Выборгской части и в 1900-е гг. ее удельный вес продолжал возрастать.

Уровень грамотности среди финнов из числа православных несколько уступал аналогичному показателю среди финнов-лютеран. Тем не менее общий показатель был достаточно высок. Причиной тому стала не только традиция религиозного обучения, но и постоянно возраставшие требования столичного города.

Сохранение доминирующего положения лютеранства и финского языка как родного является наглядным свидетельством крайне слабой степени ассимиляции финнов Санкт-Петербурга.

Литература

Миронов Б.Н. Петербург в авангарде демографического перехода в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 709−732.

Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX − XX веке. СПб.: Нестор-История, 2001. 400 с.

Норенкова И.Д. Культурное пограничье: финляндцы в восприятии петербургского общества на рубеже XIX−XX вв. М.: Пробел, 2025. 247 с.

Петришина Н.Ю. Русская трудовая иммиграция в США по материалам «Ежегодника России» в 1904-1910 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 21. С. 71−76.

Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899−1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 338−348.

Такала И.Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал Нева, 2002. 172 с.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2005. 469 с.

Энгман М., Юнгар С. Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809−1917 гг. // Россия и Финляндия: мат-лы VI Советско-Финского симпозиума историков. Л., 1980. С. 115−138.

Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX − начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 223 с.

References

Engman, M. (2005). *Finlyandtsy v Peterburge* [Finlanders in St. Petersburg]. St. Petersburg, Evropeyskiy dom. 469 p.

Engman, M., Yungar, S. (1980). Pereselencheskoe dvizhenie iz Finlyandii v Rossiyu v 1809−1917 gg. [The Resettlement Movement from Finland to Russia in 1809−1917]. In *Rossiya i Finlyandiya. Materialy VI Sovetsko-Finskogo simpoziuma istorikov*. Leningrad, pp. 115−138.

Jungar, S. (1974). *Från Äbo till Ryssland. En studie i urban befolkningsrörlighet. 1850−1890*. Äbo, Äbo Academi. 108 p.

Mironov, B.N. (2022). Peterburg v avangarde demograficheskogo perekhoda v Rossii [Petersburg in the Vanguard of Demographic Transition in Russia]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 67, Iss. 3, pp. 709−732.

Musaev, V.I. (2001). *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX − XX veke* [The Political History of Ingermanland in the Late 19th − 20th Century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 400 p.

Norenkova, I.D. (2025). *Kul’turnoe pogranich’e: finlyandtsy v vospriyatii peterburgskogo obshchestva na rubezhe XIX−XX vv.* [Cultural Frontier: Finns in the Perception of St. Petersburg Society at the turn of the 19th −20th Centuries]. Moscow, Probel. 247 p.

Petrishina, N.Yu. (2017). Russkaya trudovaya immigratsiya v SSHA po materialam “Ezhegodnika Rossii” v 1904−1910 gg. [Russian Labor Immigration to the United States Based on the

Materials of the Yearbook of Russia in 1904−1910]. In *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. No. 21, pp. 71−76.

Pogodin, S.N., Ryabova, A.L. (2016). Pervyy period rusifikatsii Finlyandii (1899−1905 gg.) [The First Period of Russification of Finland (1899−1905)]. In *Rossiya v global'nom mire*. No. 9 (32), pp. 338−348.

Takala, I.R. (2002). *Finny v Karelii i v Rossii: Istoriya vozniknoveniya i gibeli diaspory* [Finns in Karelia and Russia: The History of the Emergence and Demise of the Diaspora]. St. Petersburg, Zhurnal Neva. 172 p.

Yukhneva, N.V. (1984). *Ehtnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga: vtoraya polovina XIX − nachalo XX veka. Statisticheskiy analiz* [Ethnic Composition and Ethnosocial Structure of the Population of St. Petersburg: The Second Half of the 19th − Early 20th Century. Statistical Analysis]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 223 p.